

Записки сухого математика

Школа выживания

В послевоенное время в стране очень быстро восстанавливались образовательные учреждения. Учителей не хватало, помещения выделялись небольшие, чтобы можно было их протопить. Дети из соседних сёл, находящихся в нескольких километрах, по лесным тропинкам рано утром, в кромешной темноте с небольшой сумкой и вязанкой дров, спешили на занятия. Под одной крышей собирали ребят разного возраста, разного уровня обученности, вместе за партой могли сидеть ученики первого и четвёртого класса...

Учителя пытались завлечь детвору на уроки разными способами, но одним из главных мотиваторов был горячий суп, который давали всем на большой перемене...

Речь пойдёт о маленьком мальчике Ване, который не хватал звёзд с неба, никогда не видел своего отца, расстрелянного после репрессий, но понимающем, что значит «надо». А мать всегда говорила, что надо учиться...

Старшие братья и сестра работали в совхозе, после войны нужно было много трудиться, чтобы восстановить хозяйства, города и производство. Рабочих рук не хватало, поэтому, окончив начальную школу, ребята стремились попасть в трудовую бригаду, чтобы наработать трудовни. А вот те, что помладше, учились...

Тропинка через лес была узкой и местами проходила через небольшие овраги и буераки. Особенно страшно было пробираться в темноте, когда лес наполнялся разными страшными звуками, а на охоту выходили волки. Поэтому ребята старались объединяться и ходить группами, чтобы было не так страшно, да и за разговорами время пролетало незаметно. Но было и такое, что неуспевающих учительница задерживала на отработку. Вот тогда хочешь не хочешь идти приходилось одному. В этом случае Ваня брал большую ветку и пока шёл, размахивал ею во все стороны, чтобы казалось вокруг, что идёт ватага детворы.

Трудно давалась мальчику математика. Очень часто учительница оставляла его допоздна, чтобы выучить определения и правила. Ване казалось, что преподаватель к нему придирается. Требовательность к пониманию и запоминанию математических правил была для ребёнка не понятной. Почему все бежали домой, а ему приходилось часами рассказывать таблицы умножения двухзначных чисел, правила решения уравнений, алгебраические формулы. Потом решать громоздкие и сложные примеры в тот момент, когда другие, уже выполнив домашние обязанности, резвились и играли на улице в салки и прятки... Тёмной ночью, когда в деревне начинали кое-где светиться фонари Ваня выходил из школы. А дальше тёмный лес, узкая тропа и злые, голодные волки...

Как отгонять хищников мальчишке было известно. Но однажды эффективный способ отпугивания лесных зверей не сработал. Волки притащили мёртвого бычка, обожравшегося зелёнки, молодой травы, и начали его терзать прямо на лесной тропе. Обойти стороной было страшно и невозможно. Ваня втянул в себя живот, напряг мышцы и медленно, не обращая внимания на самого большого матёрого, переступая маленькими шагами, старался обойти голодную свору. Волк присел и впился глазами в мальчишку с хворостиной. Иван тоже смотрел в глаза серому и не показывал, что боится, двигался к цели. Поравнявшись с хищником, мальчик ускорился. Волк как-то поник и смиренно принялся за вечернюю трапезу.

Как только туша мёртвого быка, окружённая волками, оказалась позади, ребёнок со всей прыти побежал по тропе, не оглядываясь, не останавливаясь. Движения были резкими, дыхание учащённым...

Как очутился дома, Ванюшка не помнил. Он был весь мокрый и красный от волнения и бега. Дрожь ещё долго не покидала его.

Вскоре учебный год завершился, и мальчишка бросил школу, устроившись на работу в колхоз. Потом были трудовые будни, помощь по хозяйству маме, но всегда в голове сидела мысль, что «надо» получить образование. И он его получил, окончив вечернюю школу с красным аттестатом!

Телефонная будка

Представляете себе огромную степь, иногда разрезанную небольшими лесными островками. Так вот ровно посереде такой степи стою я. Обычная серая телефонная будка. Вблизи меня только иван-чай и степной ветер. Установили меня по президентской программе телефонизации малых населенных пунктов. Рядом со мной метрах в пятистах находится подсобное хозяйство и живет на нем... один житель.

С момента моей установки прошло уже два года. У меня всё работает. Кнопочки по-прежнему новые. Будка идеально чистая, а пол покрылся тонким слоем пыли. С момента установки в мою трубку никто не говорил, только изредка ветерок свистел в мелких дырочках, прорываясь через небольшую щель в двери. Два года безмолвия. Ни поговорить, ни поругаться, ни выплеснуть эмоции. Никого из людей вокруг. Зимой меня заметает по крышу снегом. Летом солнце нагревает так, что пластиковые подпорки двери плавятся. Дождь меня проверяет на прочность. Даже молния пыталась узнать причину моего одиночества. Спас правильно сделанный молниеотвод.

Однажды летом, после очередного спокойного утра, вдалеке я увидела группу мальчишек и девчонок. Они подходят ко мне. Фотографируются около меня, топчут мой присыпанный пылью пол, выстраиваются в очередь, нажимают на кнопки и смеются, весело, заливисто. Как здорово, во мне нуждаются! Дети, резвясь, бормочут что-то в трубку. Они не звонят, просто имитируют, что общаются со своими сверстниками. Весело.

Конечно, как не повеселиться, когда идешь по дороге и вдруг видишь в центре огромного поля будку, да не простую, а с телефоном автоматом. Оказывается, они здесь не просто так, а с заданием. Знакомятся с малыми населенными пунктами, узнают их названия и легенды. Пытаются объяснить, почему такое название дали населенному пункту?

Также дружно они удаляются к дому фермера. Он, наверняка, их угостит чаем, будут весело болтать, и уплетать пасечный мёд и конечно заведут разговор обо мне. А что рассказывать? Как мой сосед уговаривал телефонистов поставить меня ближе к дому, но начальство было непреклонно. По телефону должны разговаривать все! Только не объяснили, кто все? Зайцы, которые периодически мимо меня прогуливаются, или заблудившиеся коровы будут вызывать МЧС, или кузнечики, которые изредка шлепаются о мои стеклянные стенки, будут хвастаться своими трюками? Вокруг меня на десятки километров никого, кроме моего соседа-фермера. Поставили бы рядом с его домом, так может он хоть разочек бы воспользовался моим красивым телефоном, с новыми улавливающими микрофонами. Поздравил бы родственников с праздником или просто

позвонил своим родителям узнать, как они, не болеют ли. А может даже признался бы в любви самой красивой и восхитительной женщине...

Опять один, опять мимо меня проползают только чёрные гадюки, да пролетают серые вороны. А как хочется, чтоб нашлась семья аистов и свила на моей крыше гнездо. Может и не аистов, других птиц. Вот тогда бы я точно понял, что я нужен на этом свете.

Детвора тем временем прощается с моим соседом, может, забегут на минутку, попрощаются. Так и есть подходят не все, только мальчик с девочкой. О чём-то шепчутся. Он заводит её ко мне. Целуются. Рисуют на пыльной, стеклянной дверке сердечко, а ниже «Маша+Антон=Л». Смеются красивой работе и убегают. Девочка, машет мне на прощание рукой и говорит «Спасибо». Вот и я пригодился в этом мире.

Укус

В походе может случиться всё, что угодно. Иногда даже не подразумеваешь, чем может закончиться туристический маршрут и что может преподнести на пути мать-природа. Но как раз неординарные события и делают приключение запоминающимся, а походные будни зачастую просто стираются из памяти...

Очередной нетрудный «матрасный» маршрут с небольшим объёмом нагрузки мог закончиться обычно, если бы не одно событие, которое оставило неизгладимые эмоции и огромный туристический опыт. Из десяти проведённых в горах дней, последние два выдались напряжёнными и тяжёлыми и всё из-за невнимательности и неосторожности.

В поход нас вёл очень грамотный и знающий инструктор. Пешеходная часть короткая, перевалы небольшой сложности. Возвращались по тропе, которая тянулась вдоль горной порожистой реки. Вода давала и свежесть, и возможность окунуться, чтобы охладить перегретое летним солнцем тело.

Камни были под ногами скользкими, поэтому идти по ним было крайне сложно. На перекатах виднелись косяки маринки, так местные называли породу небольшой форели. Рыба носом стояла к течению, периодически меняя место дислокации. Из-под ног то и дело выбегали ящерицы. Оттенки земноводных были самые разнообразные: от салатново-зелёного до кирпично-бордового. Удивляли и размеры юрких путешественниц. Некоторые особи были едва заметны, другие же достигали размеров небольших змей.

Только в первые минуты перехода старались не замочить ноги. Но так как через речку нужно было переходить практически у каждой излучины, где огромные скальники перекрывали проход и возвышались шапками над водой, то уже на втором повороте все стали шагать прямо по воде. Кроссовки были мокрыми, но ноги не замерзали, так как шерстяной и простой носок создавали искусственный «термос». Небольшого слоя воды между кожей и носком было достаточно, чтобы тело не замерзло.

Только на привале мы снимали мокрую обувь, и она парила потоками влаги на солнце. Именно в этот момент наш инструктор решил залезть в реку и искупаться. Но всё это действие закончилось громким криком и ором. Из-под камня, как в «Песне о вещем Олеге», вылезла растревоженная гадюка, которая и вонзила свой ядовитый зуб в ногу нашего старшего товарища. Рана кровоточила, укус был глубоким. То ли от страха, то ли от боли лицо инструктора исказилось, он рычал и сопел, словно подбитый дикий зверь.

До завершения маршрута оставалось ещё как минимум день быстрого хода. Ни автотрасс, ни населённых пунктов рядом не было. Что делать в этой ситуации? Жгутом перетянули ногу, хотя бы временно не дать возможности яду распространиться по организму. Кто-то из ребят попытался сделать отсос яда из подручных материалов. На глазах инструктору становилось всё хуже и хуже. Лицо бледнело, кожа покрылась какими-то синеватыми пятнами, глаза сильно расширились.

В наших краях ходили слухи об укусах гадюк и смертных случаях среди животных и людей. В группе воцарилась какая-то гробовая тишина, все думали о будущих наших действиях. Нам необходимо было добраться до ближайшего аула и сделать укол сыворотки. Состояние инструктора было чрезвычайным. Кто-то из ребят предложил не сидеть сложа руки, а передвигаться. Все дружно согласились.

Разобрали вещи из рюкзака потерпевшего по своим мешкам, обмотали его ноги тряпками, в которые положили верблюжью колючку и пошли. Колючка при каждом шаге впивалась в ноги и возвращала сознание укушенному. Так мы передвигались в течение часа, а затем меняли колючку на новую.

Инструктор еле-еле плёлся. Его постоянно поддерживали ребята из группы. Солнце быстро скрылось за вершинами гор, но мы не останавливались на привал. Было решено идти ночью, ведь время решало всё. Нужно было передвигаться скоро, никто из ребят не стонал, не роптал. Абсолютно все понимали важность момента, помогали друг другу и меняли при необходимости товарищей, поддерживающих периодически впадающего в бессознательное состояние инструктора.

Только под утро, спускаясь с перевала, мы в белёсой туманной равнине увидели крошечные домики — село. Какое-то воодушевление возникло в группе, сразу появились новые силы. Практически бегом мы спустились к населённому пункту, и на наше счастье в нём оказался фельдшерский пункт. Ребята быстро нашли дом врача. Несмотря на раннее утро, он незамедлительно оделся и, взяв с собой сумку, последовал за нами. Мы занесли пострадавшего в амбулаторию и положили его на кушетку. Он был бледным, без сознания, часто дышал, сквозь рваный ритм отдышки был слышен стон. Сильный человек за несколько часов превратился в ватную тряпку. Врач осмотрел инструктора, быстро снял жгут и повязки, нелепо наклепленные нами. Из них высыпались перемолотые в порошок колючки. Ноги были усыпаны кровавыми потёками. Доктор сделал несколько уколов, после которых пострадавший окончательно отключился, обработал ему раны на ногах, прижёл укус змеи. На наши вопросительные взгляды врач тихо, сквозь зубы, сказал: «Теперь будем ждать, вы сделали всё правильно, но слишком много времени прошло с момента укуса. Теперь всё зависит от силы организма».

Группа ребят со сбитыми ногами, вымотавшаяся от ночного бега по горной тропе, расположилась рядом с амбулаторией. Уставшие от ночного кошмара, они прямо на расстеленных ковриках уснули, повалившись друг на друга. Только под вечер врач принёс нам приятную новость, сказав, что кризис миновал, но пациенту нужно остаться на несколько дней в палате.

Мы, удовлетворенные, попрощались с нашим инструктором и на автобусе добрались домой. Чтобы не волновать родителей и общественность, мы договорились о происшествии никому не рассказывать. Но эта история запомнилась всем на всю жизнь.

Разговор

Он: «Ты такая сегодня красивая, вся в блёстках!»

Она: «Я вчера гуляла по кладбищу. Там такая атмосфера. Что вы думаете, потеряла мать. Бывает же такое, на могилы люблюсь, они такие разные: каменные, в виде скульптур или деревянные, крест большой, гладкий, блестящий лаковый...»

Он: «А пойдём сегодня в кино. Хороший фильм про страсть, нежность, любовь...»

Она: «Я бы всё время гуляла только там. Меня что-то изнутри подталкивает. Ходишь между памятниками, на сердце хорошо, в голове мысли всякие глупые появляются... Цветы, венки, даты...»

Он: «Сегодня у нас на третьем уроке французский. Cherchez la femme. Super. Pas six jour. Сядешь со мной. Я слова выучил...»

Она: «Вот у меня подруга уже неделю дома не ночует. С родоками поссорилась. Живёт сама по себе. Четырнадцать лет. Свобода. Денег только у неё нет. Но зато свобода... А я вчера на кладбище мать потеряла, представляешь?...»

Он: «Сегодня гемениды, максимум, сто метеоров в час. Пойдём смотреть... Они такие яркие, вспыхивают и можно желание загадать. Правда, не всегда сбываются, но твои обязательно сбудутся»

Она: «Я бы себе дом построила в центре кладбища, вот это было бы по-настоящему. Цветы, могилы, темнота, и приглашала бы всех в гости полюбоваться этой красотой. Всех бы пускала жить, кого из дома выгнали, кому ночевать негде или просто так...»

Он: «От этого снега грязь на улице и холод, а ты в таком лёгком платье, замёрзла? Давай я тебе куртку принесу...»

Она: «Что означает это слово? Гадкое какое... Бекон... Надо же...»

Он: «Вот возьми листок, я все слова перевёл. Только перепиши внимательно...»

Она: «Скоро полная луна. Света много. На кладбище пойду. Там ночью при лунном свете знаешь как... Накрашусь и пойду... Ты со мной?»

Он: «Нет, меня родители не отпустят... Но я могу вечером с тобой позаниматься, у тебя двойка по французскому выходит...»

Она: «Тогда с подружками пойдём... Они у меня знаешь какие...»

В этот момент прозвенел звонок. Все разошлись по своим местам. Она подумала: «Какая я загадочная, пусть попробует разгадать...» Он: «Какая же она всё таки дура, я же предлагал ей перевод слов, точно получит двойку...»

Каша

Кто из нас не вспоминает кашу детства, манная, сладкая с комочками. Так не хотелось её есть, но воспитательница, обязательно находила слова, и ты её уплетал, аж треск был слышен за ушами.

Сегодня в столовых того кушанья не предлагают, всё как-то проще, западнее. То булку с котлетой, то небольшую пиццу с колбасой или сосиску в тесте. И для наших детей манная каша стала диковинкой.

Вот однажды пришёл сын из школы, смеётся.

Спрашиваю, что случилось, отчего такое веселье. А он мне целую историю про кашу рассказал.

Его товарищ, на школьный завтрак получил тарелку манной каши, да не простой каши, а такой, что можно было ножом резать. Начал он ходить по столовой и всем фокусы показывать. Переворачивает тарелку, а каша не падает, не выливается. Смех в столовой, а каша так прилипла к тарелке, что только и дивиться можно. Минут десять он это чудо всем показывал, пока кто-то не подсказал, что можно вообще сделать умопомрачительный номер. И стал наш товарищ не просто переворачивать тарелку с кашей, а начал держать её у себя над головой. Первые несколько раз всё проходило неплохо, аттракцион был что надо. Но в четвёртый раз каша под действием земных сил прямо на голову нашему клоуну и прилетела. И оказалась она не такой и вязкой. Вот дальше смеху было много. Все принялись фотографироваться с незадачливым циркачом-фокусником. А картинка была очень запоминающейся.

Представьте себе молодого человека в фирменном костюме, белоснежной рубашке, тёмно-синем галстуке, а по его голове стекает вкусная манная каша с комочками, желтовато-молочная, как в нашем детстве...

Три чуда...

Встал. Выпил чашку чая. Дошёл по морозцу до метро. Всего две станции. У меня распланирован весь день. Сначала в музей-квартиру М.Горького, потом к писателю А.Толстому и, конечно, попасть на концерт классической музыки...

Морозец крепчал, и пешая прогулка по Большому Никитскому проспекту оказалась не такой прозаической. По дороге встретился музей искусства востока, который мог спутать все планы. Очень хотелось с мороза в тепло и уют... Но ноги шагали и шагали, лицо горело и алело, а вокруг были потрясающие виды. Москва под небольшой снежной шубой очень красива. Белоснежные здания, покрытые тонкой вуалью, кажутся ещё более величественными и непреступными.

На Большой Никитской улице затерялась среди многоэтажек домовая церковь семьи Суворовых, а ещё чуть дальше и сам небольшой скромный домик желтоватого цвета с неброской вывеской «Здесь жил Суворов». Случайные прохожие повели меня абсолютно не в том направлении. В результате я попал на Поварскую улицу, удаляясь от

намеченного мною музея Максима Горького. Помогла пара пожилых людей, прогуливающих по заснеженной и нечищенной улице.

- Вы откуда молодой человек, не москвич?

- Из Краснодарского края, из Ейска...

- Мы вам покажем, где находится музей...

- Я вас догоню, сфотографирую памятник Бунину, и догоню...

Несколько кадров, и бегом за моими спасителями. Старичок по-отечески обнял меня за плечи.

- Вы находитесь в историческом месте. По этим улицам ходили Суворов, внучка Сталина – Алилуева и Якубович, кстати, он наш сосед. А вот в этой церкви венчались Пушкин и его будущая супруга Наталья.

Они показали мне дом, в котором жил Максим Горький, холодно отнеслись к новому изваянию, которое появилось на перекрёстке улиц и олицетворяло встречу в беседке молодого поэта с невестой...

Мы гуляли по заснеженным улицам около часа, а потом долго прощались. Мороза не чувствовалось, беседа была познавательной и интересной. После расставания семейная пара повернула обратно по дороге к своему дому, в котором на соседней лестничной клетке живёт шоумен Якубович.

Около кассы меня встретила радостная бабушка с широкой улыбкой:

- Ура, вы четвёртый. Вчера у нас было всего три посетителя, а сегодня уже на одного больше...

Дом, в котором творил последние годы Горький был для меня открытием. Таких архитектурных шедевров в мире больше нет. Загадки и тайны в каждом элементе декора. Экспозиция о великом писателе лишь стала небольшим дополнением, к той эстетике, которая окружала. Полтора часовое погружение в мир модерна и классика советской прозы завершилась в гардеробе. Уже надев на себя тёплые вещи и собрав в рюкзак пожитки, я вдруг услышал голос гардеробщицы:

- Вы, я вижу, не москвич, а то я москвичей не очень люблю?

- Я из Краснодарского края, из Ейска.

- Сразу поняла, что вы не местный. Пойдём те со мной, я покажу вам тайны этого дома.

Женщина взяла меня за руку и повела. Сначала мы стояли у таинственного витража, который с разных ракурсов дарил абсолютно неповторимые картины восхода солнца и ночных пейзажей с узким серпом луны. Потом разглядывали потолок украшенный волшебной лепниной с красивыми улитками... В доме обнаружили таинственные животные в виде необычных ламп, двери со своими секретами, окна, погружающие в

атмосферу московской зимы... По окончании нашей экскурсии женщина вынесла мне книгу о музее.

- Это последний экземпляр, и я его хочу вам подарить...

Книжка была как нельзя кстати. В музее закрыли лавку с сувенирами, и приобрести буклет просто не предоставлялось возможности...

Очередным культурным событием стал для меня музей-квартира Алексея Толстого. Мне разрешили фотографировать, и я без стеснения проходил от одного экспоната к другому, получая неплохие изображения. Но в кабинете писателя меня поразили гипсовые маски. Одна очень узнаваемая, посмертная маска Пушкина, а вторая безобразная, корчащегося и опухшего человека. Это была прижизненная маска Петра Первого. Меня заинтересовало месторасположение экспонатов, но хранительница музея пояснений не дала, а пригласила научного сотрудника.

Дама представилась, и начала мне рассказывать об удивительном писателе, историке, неоднозначном с точки зрения жития-бытия человеке. Мы ходили из одной комнаты в другую, останавливались у живописных полотен, она поведала технику нанесения гипса на живого императора, и стало понятно, почему у него такое опухшее и нерадостное лицо. И, наконец, она подвела меня к картине очень необычной. Оказалось, что Алексей Толстой её приобрёл абсолютно случайно у одного крестьянина из Псковской губернии. Полотно оказалось из усадьбы Александра Сергеевича Пушкина. Картина принадлежит кисти голландского живописца Босхо или его подражателям. Оно неповторимо и красочно-инопланетно. И, о чудо, на нём изображено то, что описано в великом произведении «Евгений Онегин». Сон Татьяны Лариной, помните?...

...Опомнилась, глядит Татьяна:
Медведя нет; она в снях;
За дверью крик и звон стакана,
Как на больших похоронах;
Не видя тут ни капли толку,
Глядит она тихонько в щелку,
И что же видит?.. за столом
Сидят чудовища кругом:
Один в рогах, с собачьей мордой,
Другой с петушьей головой,
Здесь ведьма с козьей бородой,
Тут остов чопорный и гордый,
Там карла с хвостиком, а вот
Полу-журавль и полу-кот.
Еще страшней, еще чуднее:
Вот рак верхом на пауке,
Вот череп на гусиной шее
Вертится в красном колпаке,
Вот мельница вприсядку пляшет
И крыльями трещит и машет;

Лай, хохот, пенье, свист и хлоп,
Людская молвь и конский топ!
Но что подумала Татьяна,
Когда узнала меж гостей
Того, кто мил и страшен ей,
Героя нашего романа!
Онегин за столом сидит
И в дверь украдкой глядит...

Под впечатлением от увиденного и услышанного, я побрёл по заснеженным улицам замерзающей Москвы в сторону Арбата. Три истории, три чудесных встречи за один день...

Послевоенный...

Сегодня мы гордимся нашими ветеранами, победителями в самой кровавой мясорубке двадцатого века, спасшими человечество от фашизма и нацизма. Героизм и патриотизм стали ассоциациями той далёкой Великой Отечественной войны. Много утекло воды, стёрто из памяти правды о трагедиях в человеческих судьбах, о героях не по легендам и пропаганде, о настоящих, кто горел в танке, подрывался на минах, бросался на дзоты и выживал с тяжелейшими травмами, оставаясь калекой, без ног и без рук, кто вынужден был закрывать лицо вуалью, только потому, что от лица ничего не осталось, оно сгорело...

Вот таких полулюдей-героев, изувеченных в боях и в полевых госпиталях, но выживших на улицах, вокзалах, площадях и рынках после войны было много. Они не могли работать, ползали, просили милостыню или еду, чтобы выжить, чтобы просто выжить...

Люди придумывали им самые непонятные прозвища. «Самоварами» называли инвалидов, оставшихся без ног и рук, «обрубками» тех, кто потерял на войне руки. А ещё были «костыли», «мочалки»...

Наш герой один из немногих, кто помнит эти страшные дни, страшные послевоенные дни унижения и непонимания со стороны здоровых, полноценных людей, которые не нюхали порох, не замерзали в блиндажах и окопах, не делили небольшой кусок сухаря на дюжину человек. Самым страшным было то, что они говорили в спину и боялись сказать открыто в лицо.

- Калека-нищеврод, - слышалось вслед тележки, которую сколотил из нескольких досок наш молодой парень двадцати пяти лет, у которого до войны было всё: перспективы стать гениальным учёным, замечательная и дружная семья, расстрелянная фашистами в сорок третьем, любимая девушка...

- Почему ты не сдох, - говорили те, за кого он воевал, которые обязаны ему миром, а не рабским существованием...

-Развелось калек, пройти невозможно, когда вас уже всех сгребут в кучу и расстреляют, чтоб запах не портили, - говорили дамочки в вечерних платьях, которым война стала подспорьем в жизнеобеспечении, которые из-под полы продавали хлеб и сахар, наживаясь в голодное время и зарабатывая имя и процветание...

Разве можно понять человека, который потерял ноги, чтобы спасти сотни солдат, стоя в жуткий мороз в водяной жиже до последнего патрона сдерживая натиск немецких сил. Нет, конечно, он был не один. На это задание был направлен взвод двадцатилетних парней, молодых крепких, здоровых. Они ещё толком-то и войны не видели...

Небольшие осколочные ранения в ногу, полученные от разрывов снарядов, перевязка из жёлтых тряпок и бой, который ни на минуту, ни на мгновение не замирал...

Потом госпиталь, почерневшие ступни лечить никто не стал, ампутировали, началась гангрена, отрезали ноги полностью. А дальше пустота... Месяцы по госпиталям и больницам... Дорога домой... Надежда... Разочарование... Непонимание... Отчуждение...

- Радуйся, что живой! – говорили соседи. А как жить? Что делать, когда надо по крутой лестнице подняться в квартиру, а ты не можешь! Как сходить в магазин? На что жить?

Потом победа! Радость! Да, скорее радость от того, что всё закончилось, а значит, не зря ты стал калеккой, значит, и ты внёс свой вклад в это великое счастье быть победителем. И надежда... Надежда на то, что на тебя обратят внимание, дадут работу... Надежда на то, что ты пригодишься ещё своей родине... Надежда, что всё изменится... Но таких как ты становилось всё больше и больше. За место под солнцем нужно было бороться. Деляги быстро сколотили банды, которые обирали беспомощных инвалидов, оставляя им гроши для выживания...

Жить так не хотелось, но и кончать жизнь не было христианского желания. Пытался делать игрушки, благо руки уцелели, но покупателей не нашлось, слишком бедно жил народ, просто раздавал местным ребятишкам. Пытался найти работу сторожем, но кто такого возьмёт... Оставалось последнее: просить милостыню да помогать мелким ремонтам вдовам...

Так постепенно жизнь налаживалась... Душевные раны заживали...

Но однажды ночью парня забрали и увезли в неизвестном направлении. Вычистили все города и села от калек, безруких и безногих, обезображенных ожогами. Позже стало понятно, что верхушка решила избавиться от назойливых глаз почтенных жителей полулюдишек, чьи награды не сочетались с попрошайничеством. Ну, посудите сами: грудь в орденах, а он возле булочной милостыню просит. Никуда не годится! Избавиться от них, во что бы то ни стало избавиться. Но куда их девать? В бывшие монастыри, на острова! С глаз долой – из сердца вон. В течение нескольких месяцев страна-победительница очистила свои улицы от этого "позора"!

Так наш герой попал в бывший монастырь. Таких как он со всех уголков привезли больше трёх сотен. Многие не смогли связаться с семьями, чтобы рассказать, куда их